

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

КНИЖКИ

ДЛЯ

МЖОЛЪ.

№ 57.

ОБЛАСТИ СИБИРСКИХЪ И ОРЕНБУРГСКИХЪ

КИРГИЗОВЪ.

ЦѢНА 10 КОП.

МОСКВА.

—
1872.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

КНИЖКИ ДЛЯ ШКОЛЪ.

~~~~~  
№ 57.  
~~~~~

ОБЛАСТИ СИБИРСКИХЪ И ОРЕНБУРГСКИХЪ
КИРГИЗОВЪ.

~~~~~

МОСКВА.

Печатня С. П. Яковлева, Софійка, д. Аргамаконъ.
1872.

ОБЛАСТИ СИБИРСКИХЪ И ОРЕНБУРГСКИХЪ КИРГИЗОВЪ.

Народъ, который мы называемъ киргизами, самъ себя называетъ кайсаками и подъ этимъ названіемъ извѣстенъ всѣмъ соседнимъ съ нимъ среднеазіатскимъ народамъ: бухарцамъ, хивинцамъ, коканцамъ, даже персіанамъ и китайцамъ. Мы только даемъ этимъ племенамъ названіе «киргизъ», которое происходитъ, по всей вѣроятности, отъ соединенія двухъ словъ: *киргъ* — степь и *гизъ* — человекъ. Сосѣднія калмыцкія племена дали этимъ степнякамъ прозвище: *хозакъ* (козакъ), что значитъ: *отважный*.

Въ сущности киргизами называлась въ старину особая отрасль турецкаго племени, которая еще въ XVII столѣтіи кочевала въ верховьяхъ Оби и Енисея, и оттуда была вытѣснена джугарцами къ озеру Исыкъ-Кулю, гдѣ и теперь кочуетъ подъ названіемъ дикокаменныхъ киргизовъ или *бурутовъ*, и недавно только вступила въ подданство Россіи.

Эти-то киргизы, сдѣлавшись въ XVII столѣтіи страшными для возникавшихъ на югѣ Сибири русскихъ заселеній, своими набѣгами на Кузнецкую линію, дали поводъ русскимъ пришельцамъ распространить названіе *киргизъ* и на степняковъ Ишимской линіи, которые съ начала XVIII столѣтія разоряли не только селенія Омскаго и Ишимскаго округовъ, но проникали и далѣе.

Итакъ русскіе познакомились съ этими древними кайсаками или козаками болѣе чѣмъ за 300 лѣтъ тому назадъ, (когда)

правиль московскимъ государствомъ царь Іоаннъ Грозный. Въ то время русскіе знали ихъ за племя сильное и воинственное; они занимали тогда середину нынѣшнихъ земель своихъ и составляли одно цѣльное племя, управлявшееся *ханомъ*.

За древнѣйшаго родоначальника своего признаютъ они *Алачъ-хана*, отъ трехъ сыновей котораго будто бы произошли родоначальники и трехъ нынѣшнихъ ордъ *). Отъ старшаго произошли всѣ племена—Большой орды, отъ средняго—Средняя орда, а отъ меньшаго—Малая орда. Съ умноженіемъ народа, племена разсыпались. Большая орда заняла своими кочевьями часть мѣстности по сѣверо-западнымъ опушкамъ Тіанъ-Шана, около озера Балхаша и рѣки Или; Сред-

---

*) Орда означаетъ *ставку* (жилище-шатеръ) главнаго вождя хана.

няя — степь по рѣкѣ Ишиму и вдоль Омской линіи до озера Зайсана; а Малая — всю мѣстность вдоль Оренбургской и Уральской линій и на югъ отъ Аральскаго до Каспійскаго морей. Сверхъ сего, по самому распаденію ордъ на три главныхъ отдѣла, каждая орда распалась еще на *роды*.

Древность киргизъ-кайсаковъ, то-есть происхожденіе этого народа и раздѣленіе его на три орды до сихъ поръ не опредѣлены съ точностію, потому что прямыхъ письменныхъ историческихъ источниковъ для этого нѣтъ. Киргизскія преданія относятъ свое происхожденіе къ XIII вѣку, считая его современнымъ Чингисъ-хану. Наши лѣтописи начинаютъ упоминать о киргизахъ лишь по покореніи Казани, Астрахани и Сибири. Первые столкновенія съ ними русскихъ начались съ Ермака и съ самыхъ первыхъ шаговъ завоеванія Сибири. И когда кир-

гизы приняли исламъ, то къ ихъ природной склонности къ грабежу и хищничеству присоединился еще магометанскій фанатизмъ и ненависть не только къ христіанамъ, но и къ буддистамъ. Поэтому и пошли у нихъ непрерывныя разбойническія войны на западъ съ калмыками, на востокъ съ джунгарами и на сѣверъ съ русскими.

Русскіе воеводы должны были принимать сильныя мѣры противъ варварскихъ набѣговъ этихъ степныхъ хищниковъ, которые уводили въ плѣнъ не только на пограничныхъ линіяхъ нашихъ: сибирской и оренбургской, но прорывались и за Уральскіе горы внутрь Казанской губерніи, въ которой они выжгли нѣсколько селеній и увлекли въ плѣнъ жителей. Поэтому для охраненія и прикрытія Сибири и Оренбургскаго края были учреждены постепенно: Сибирская линія съ 1715 года, и Орен-

бургская съ 1735; но, не смотря на это, набѣги продолжались и имя киргизовъ долго было страшлищемъ для пограничныхъ жителей даже еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Еще въ 1827 году въ Оренбургѣ они не рѣдко увлекали въ плѣнъ даже нашихъ офицеровъ; а не далѣе 25 лѣтъ тому назадъ, съ 1837 по 1846 г., извѣстный султанъ Средней орды Кенесара Касимовъ еще производилъ набѣги близъ Сибирской линіи и долго волновалъ степь *).

Киргизы, прорываясь сквозь наши линіи, жгли у жителей сѣно, хлѣбъ, деревни, уголяли скотъ, увлекали въ плѣнъ мушкетъ и женщинъ, продавая ихъ въ тяжкое рабство на рынкахъ Ташкента, Бухары и Хивы, и лишь теперь только, когда степи покрываются сѣтью рус-

---

*) Впослѣдствіи онъ попалъ въ руки дикокаменныхъ киргизовъ (бурутовъ), которые сварили его живого въ котлѣ.

скихъ укрѣпленій, когда военныя линіи далеко углубились въ степь, киргизы стали смиряться; набѣги мало по малу прекратились и спокойствіе водворилось въ степи.

Киргизы Средней и Малой орды вступили въ подданство Россіи при императорѣ Аннѣ въ 1732 году. Въ 1739 году ханъ Большой орды также просилъ о принятіи его въ подданство, но по отдаленности ли кочевья этой орды, или по какимъ другимъ причинамъ, просьбы его остались безъ послѣдствій и Большая орда стала входить въ составъ русскихъ владѣній уже гораздо позже и то лишь по частямъ и уже послѣ ея раздробленія.

Киргизы съ начала ихъ вступленія въ русское подданство управлялись по прежнему своими ханами; но въ послѣдствіи частые безпорядки и кровавыя междоусобія, сопровождавшія вступленія въ

управленіе народомъ каждаго новаго хана, побудили наше правительство вовсе упразднить ханское званіе.

Въ нынѣшнее время степь раздѣлена на три области:

1. *Область Тургайская* или киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства, составляющихъ Малую орду. Она занимаетъ западную часть степи и перешеекъ между морями Аральскимъ и Каспійскимъ. Все населеніе области кочевое и городовъ въ ней нѣтъ, а есть только укрѣпленія: *Кара-бутаинское*, гдѣ сосредоточено управленіе областію; *Оренбургское* на р. Тургаѣ; *Уральское* на р. Ирғизѣ, и фортъ Александровскій—на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

2. *Область Акмолинская* или сибирскихъ киргизовъ, составляющихъ Среднюю орду, занимаетъ часть степи къ востоку отъ Мугоджарскихъ горъ. Южная часть области состоитъ изъ песча-

ныхъ степей Акъ-Кумъ и Бекъ-пакъ-дала (голодной), и потому кочевья киргизовъ находятся преимущественно въ сѣверной части. Областной городъ *Акмолинскъ*.

3. Область Семирѣчинская занимаетъ восточную часть степи съ бассейномъ озера *Балкаши* и примыкающую къ ней нагорную страну, покрытую отрогами Тянь-Шаня. Здѣсь кочуютъ киргизы Большой и Дикокаменной орды. Въ этой области замѣчательны: *Вѣрное*—крѣпость и областной городъ; *Сергіополь* и *Копалъ*—значительные города, служащіе складочными пунктами для товаровъ, отправляемыхъ въ Китай и Коканъ.

Всѣхъ киргизовъ считается до двухъ съ половиною милліоновъ душъ; изъ этого числа 2,200,000 душъ находятся въ подданствѣ у русскихъ, а остальные 300,000 либо кочуютъ пезависимо на Усть-Уртѣ, либо признають власть Хивы, Бухары и Кокана.

Наше правительство ввело въ этомъ краю администрацію приспособленную къ мѣстнымъ правамъ и обычаямъ. Области раздѣлены на уѣзды, уѣзды раздѣляются на волости, волости на аулы. Величина волости опредѣлена отъ одной до двухъ тысячъ кибитокъ; аулы содержатъ отъ ста до двухъ сотъ кибитокъ. Вмѣсто прежнихъ хановъ теперь русское правительство назначаетъ *султановъ*; въ помощники имъ даются волостные управители и аульные старшины. Султаны эти составляютъ киргизское дворянство, и называютъ себя *бѣлою костью*, въ отличие отъ *черной кости* — народа. Для поддержания достоинства и власти султановъ находятся при нихъ казаки, которые лѣтомъ кочуютъ съ ними. Кромѣ того есть также переводчики и письмоводители, а для приготовленія въ эти должности учреждена въ Оренбургѣ школа для киргизовъ. Дѣти же султановъ

воспитываются въ Оренбургскомъ кадетскомъ корпусѣ.

Не слѣдуетъ воображать себѣ Киргизскую степь, уже совершенной пустыней, доступной только дикимъ кочевникамъ. Конечно, есть въ ней большія безплодныя мѣстности, какъ напримѣръ *Голодная степь*, но за то есть и такія мѣстности, которыя признаны *Сибирскимъ раемъ* (Семирѣчскій и Заплійскій края).

Есть много хлѣбородныхъ пространствъ, обильно снабженныхъ лѣсомъ, проточными водами и хорошимъ подножнымъ кормомъ. Здѣсь заведены земледѣльческія колоніи изъ казаковъ, водворенныхъ тутъ на постоянную осѣдлость. Расположенные въ мѣстностяхъ благопріятныхъ, эти колоніи уже достаточно хорошо устроились. Станицы же, устроенныя при окрестныхъ приказахъ, мало-по-малу обращаются въ города; нѣкоторые по постройкамъ, красотѣ мѣстоположенія и по

удобствамъ жизни могутъ сравняться съ лучшими окружными городами Тобольской и Томской губерній. Населеніе въ нихъ простирается отъ 2 до 5,000 душъ. Церкви уже есть вездѣ.

Киргизы, при постоянномъ столкновении съ русскими, уже значительно измѣнились. Идутъ они въ работники, пастухи; многіе занялись хлѣбопашествомъ, даже ремеслами и мелочною торговлей. Нравъ, обычай, образъ жизни стушевались, обрусѣли. Чтобы изучать киргизовъ въ ихъ первобытномъ быту, надобно углубиться болѣе въ степь; чѣмъ далѣе проникаешь въ нее, тѣмъ киргизъ становится ближе къ природѣ его окружающей. Эти киргизы и при введеніи у нихъ новаго порядка не могутъ еще отрѣшиться отъ своего прошедшаго. Особенно у нихъ развито коннокрадство, *баранта*. Барантовщики высматриваютъ сосѣднія стада, подкрадываются къ нимъ въ ночное время и внезапно, съ дикимъ

пропзительнымъ визгомъ, кидаются па табуны и угоняють ихъ въ свои жилища. Въ прежнія времена наѣздничества эти составлялись изъ нѣсколькихъ сотъ и даже тысячъ челоѣкъ. Тогда нападенія были открытыя, чаще всего въ самый знойный полдень, или на разсвѣтъ, когда всѣ спали или отдыхали, дабы непріятеля застать въ расплохъ. Грабительству тутъ не было предѣла. Иступленные, полунагіе, съ дикимъ крикомъ, они истребляли все: ни полу, ни возрасту, ни сильному, ни слабому не было отъ нихъ пощады. Въ свою очередь грабители подвергались той же участи отъ ограбленныхъ, составляя такимъ образомъ взаимною барантою длинную цѣпь злодѣйствъ, ведущихъ за собою опустошеніе цѣлыхъ ауловъ. Наѣздики, отличавшіеся на барантѣ удалствомъ и храбростію, пріобрѣтали названіе *батыри* *).

---

*) Богатырь.

Титуль или званіе батыря присоединяли
 къ именамъ своимъ многіе владѣльцы въ
 прежнія времена. Теперь, какъ мы уже сказали, барап-
 та, въ широкомъ значеніи этого слова,
 уже вывѣлась въ степи и возможна раз-
 вѣ на ея дальнихъ пограничныхъ око-
 нечностяхъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ,
 кромѣ баранты, народъ этотъ не воръ и
 рѣдко посягаетъ на чужую собственность.
 Кто знаетъ по-киргизски, съ тѣмъ кир-
 гизъ сходится скоро. Какъ всѣ азіатцы,
 они провицательны, смыслены и скрыт-
 ны. Съ первыхъ вашихъ словъ, хотя бы
 вы и отлично говорили по-киргизски, онъ
 вдругъ раскроетъ вамъ свою душу и
 выскажетъ вамъ свои чувства; онъ сперва
 выпытаетъ васъ самихъ; но если только
 подмѣтитъ въ васъ искреннее дружелю-
 біе и ласковость неподдѣльную, то и
 самъ дѣлается откровененъ. Киргизъ не
 отникъ льстить, ласкаться, навязчиво

угождать. Когда грубо приказываютъ ему, онъ показываетъ видъ, что не понимаетъ, но если его просятъ услужить, онъ старается угодить по мѣрѣ возможности и радуется, что ему чѣмъ-либо обязаны.

Доказательствомъ, что добрые примѣры могутъ дѣйствовать на киргиза благотворительно, служитъ то, что тѣ, которые живутъ въ сосѣдствѣ русскихъ станицъ, окружныхъ городахъ, болѣе и болѣе подвергаются вліянію русской жизни, русскихъ нравовъ, улучшаютъ свой бытъ; смягчаютъ и измѣняютъ свои обычаи; они сами сознаютъ это благотворное вліяніе, и нисколько не стараются избѣгать его. Прилинейные киргизы западной части Оренбургской степи особенно отличаются своею дѣятельностью и трудолюбіемъ. Хлѣбопашество и промышленность въ послѣдніе годы стали очень развиваться. Киргизы научились цѣнить

опрятность, понимаютъ нравственное значеніе своихъ поступковъ, полюбили, наконецъ, и самую осѣдлую жизнь.

Много способствуетъ также смягченію нравовъ киргизовъ торговля, которую ведетъ Россія черезъ степь съ Хивою, Бухарою и Коканомъ, а также и съ самими киргизами. Эта торговля производится въ степи всегда на верблюдахъ и называется *караванною*. Киргизы принимаютъ въ этой торговлѣ главное участіе съ своими верблюдами. Такимъ образомъ, они побываютъ во многихъ русскихъ городахъ, многое видятъ новаго, полезнаго, неизвѣстнаго для нихъ; сталкиваясь съ русскими купцами и присматриваясь къ образу жизни въ нашихъ городахъ, они незамѣтно перенимаютъ наши обычаи и привычки и теряютъ свою суровость.

Но чтобы лучше ознакомиться съ бытомъ киргизовъ, мы должны углубиться

съ ними въ степь, и посмотри́тъ на нихъ въ ихъ *кибиткахъ*.

Перекочевывая съ мѣста на мѣсто съ своими стадами, киргизы не знаютъ другаго жилища, какъ кибитка. Это круглая со всѣхъ сторонъ палатка, состоящая изъ деревянныхъ рѣшетокъ, покрытыхъ войлоками; вверху надъ самою серединою ея продѣлано небольшое круглое отверстіе, которое, смотря по надобности, открывается и опять закрывается; черезъ него проникаетъ свѣтъ и выходитъ дымъ. Вышина такихъ палатокъ простирается отъ 4 до 8 аршинъ, а ширина отъ 8 до 15 и болѣе. Это жилище при кочующей жизни киргиза удовлетворяетъ его вполне. Стоитъ оно дешево; удобно и скоро собирается, навьючивается на верблюда, немного вѣситъ, не спосится вѣтромъ, вмѣщаетъ въ себѣ все необходимое для одной семьи имущество, хорошо укрываетъ зимою отъ стужи, снѣга

и вѣтровъ, лѣтомъ отъ дождя, зноя и пыли.

Зимою киргизы по большей части живутъ на одномъ мѣстѣ. Они разставляютъ кибитку и обносятъ ее хорошимъ загопомъ, который защищаетъ скотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняетъ жилье ихъ отъ бурь и непогодъ зимнихъ. Это время жизни семейной. Киргизъ сидитъ въ кибиткѣ у тлѣющаго огня по цѣлымъ часамъ, покуривая *гамзу* (мѣдную китайскую коротенькую трубочку), съ нетерпѣніемъ поджидая какого нибудь гостя съ хабаромъ (съ вѣстью о чемъ нибудь), жметъ отъ мороза, голода и скуки. Пріѣдетъ, наконецъ, гость; вошедши въ кибитку, садится на кошму и заводитъ рѣчь: о подножномъ кормѣ, худобѣ скота и лошадей, повой перекочевкѣ, расскажетъ кого встрѣтилъ въ дорогѣ, что слышно въ другомъ аулѣ. Потомъ приготавливаютъ ѣду. Когда нарѣжутъ бара-

нину, либо конину, хозяинъ беретъ руками кусокъ и даетъ гостю. Чѣмъ почетнѣе гость, тѣмъ лучше кусокъ. Когда наѣлисъ, остатки передаютъ женѣ и семейству.

Насидѣлся ли кыргизъ у себя въ кибиткѣ, надоѣло ли ему глядѣть на огонекъ, онъ идетъ въ гости къ сосѣду, приходятъ и другіе одноаульцы и составляется кружокъ около огня. Начинается живой разговоръ. Говорятъ объ распоряженіяхъ русскаго правительства, объ султанахъ, о богатыряхъ (батырь). Хвалятся другъ передъ другомъ своими стадами, табунами, скакунами, звѣропромышленными подвигами. Иные играютъ въ кости; является дамбра, начинаются пѣсни... Въ кибитки молодежь пробуетъ силы, борется, либо бѣгаетъ въ запуски. Женщины и дѣвушки стоятъ и смотрятъ. Тутъ же иногда старики порѣшаютъ свадебные договоры, опредѣляютъ количество калыма.

Киргизы охотники до новостей, даже до самых пустых вѣстей; лишь бы слышали ихъ въ первый разъ. Случись прїѣзжій гость (особливо русскій, свободно говорящій по киргизски), сбѣгается весь аулъ. Засыпаетъ вопросами: «что далъ за коня, за сбрую, за сѣдло, за одежду, откуда и куда, что слышалъ, кого встрѣтилъ?» Все это быстро передается изъ аула въ аулъ. Чѣмъ болѣе гость рассказываетъ, тѣмъ слушатели приходятъ въ большій восторгъ. Хозяинъ велитъ подать кумысу. Начинается попойка и продолжается по нѣсколькимъ часамъ сряду. Не обходится тоже и безъ закола жирнаго барана. Когда накрошатъ сваренное мясо, то дорогому прїѣзжему гостю даютъ лучшій *мосолъ* (большая кость). Сверхъ того, хозяинъ беретъ руками мелкіе куски и самъ кладетъ ему въ ротъ. Это означаетъ верхъ прїязни и дружелюбія.

Торжественные случаи въ жизни богатаго киргиза: пожалованіе отъ правительства какой либо награды, избраніе въ почетную должность, сопровождаются пирами, называемыми: *туй*, и особыми при этомъ играми. Для киргиза проѣхать 100 либо 200 верстъ на такой праздникъ—ровно ничего не значить.

Когда военный губернаторъ объѣзжаетъ свою область, то киргизы въ самыхъ пестрыхъ и разнообразныхъ нарядахъ собираются изъ своихъ ауловъ къ окружнымъ приказамъ, въ которыхъ они числятся, въ особенности богатые и почетные: аульные старшины и управители волостей, заслуженные султаны и старшій султанъ управляющій округомъ. Киргизы высоко цѣнятъ награды правительства: чины, ордена, медали.

При встрѣчѣ военнаго губернатора, султаны и засѣдатели отъ киргизовъ выѣзжаютъ въ богатыхъ бархатныхъ кафтанахъ,

обшитыхъ по борту и краямъ двойнымъ широкимъ золотымъ галуномъ. Цвѣтъ кафтана: обыкновенно голубой, зеленый, чаще красный. Имѣющіе ордена, медали, сабли, украшенные драгоценными камнями, надѣваютъ ихъ. Есть и пользующіеся штабъ-офицерскими и оберъ-офицерскими военными чинами. Эти носятъ козацій кафтанъ съ эполетами. Шапки у должностныхъ лицъ бархатныя, съ широкимъ бобровымъ околышемъ. Да и весь почти народъ при объѣздахъ военныхъ губернаторовъ, представляетъ чрезвычайно живописную картину. Кто и не имѣетъ жалованнаго кафтана, либо военной формы, рядится какъ только можно лучше, надѣваетъ шапку крытую парчей и съ лисьими, либо собольими околышами; богатый бухарскій халать, подъ которымъ виднѣется парчевой камзолъ, стянутый кожанымъ поясомъ съ серебряной насѣчкой: у

пояса висятъ сумочка съ гамзой и табакъ, ножъ въ футляръ съ богатой оправой; сапоги надѣваются сафьянные узорчатые съ загнутыми вверхъ носками; широкіе суконные шаровары и рубашка шолковая довершаютъ нарядъ. Бѣдняковъ одежда по покрою такая же только изъ простыхъ тканей, но и бѣднякъ старается при этомъ случаѣ одѣться почище.

Составивъ полукругъ, киргизы ожидаютъ губернатора. Онъ пріѣзжаетъ, принимаетъ поздравленія султановъ, благодаритъ ихъ за спокойствіе и порядокъ въ степи, за вѣрную службу; раздаетъ ордена, медали, патенты на чины. Послѣ пріема, начинается народный праздникъ. Тутъ вслѣдъ за угощеніями первое мѣсто «байтъ». Каждый родъ или волость раскидываетъ палатки изъ парусины, либо изъ холста зеленого и красного цвѣтовъ. Посрединѣ большая палатка для губернатора и чиновниковъ.

Противъ нея вкапывается столбъ до 7 сажень вышины, съ призомъ на верхушкѣ: обыкновенно парча, или шелковая матерія. *Байга* начинается борьбою киргизскихъ силачей. Они выходятъ въ однихъ шароварахъ, перепоясанныхъ кушакомъ, и, измѣривши другъ друга глазами, схватываются. Иногда одинъ удачный пріемъ рѣшаетъ борьбу. Но нерѣдко силы у обоихъ равныя. Посему борцы долго ходятъ, перегибая одинъ другаго. Между тѣмъ толпа подстрекаетъ ихъ всякаго рода насмѣшками, похвалами, крикомъ и гиканьемъ. Тогда который нибудь, уловивъ удобную минуту, вдругъ—либо отбросить противника въ сторону, либо, приподнявъ, осадить такъ крѣпко, что заставить упасть. Иногда побѣжденный не сдается и тогда оба валяются по землѣ, покуда который нибудь не ослепитъ. Между тѣмъ пѣвцы выходятъ изъ толпы, садятся одинъ противъ другаго на землѣ и поютъ пѣсни.

Потомъ пачинается оригинальная игра: выносятъ на средину круга большую чугунную чашу, или котелъ налитый до краевъ кумысомъ, бросаютъ въ него серебряныя монеты, которыя нужно отыскать на днѣ ртомъ.

Можно вообразить себѣ хохотъ народа при видѣ бритой головы, облитой кумысомъ и облѣпленной сывороткой, когда она, чтобы перевѣсти дыханіе вылезаетъ изъ котла и опять въ него погружается, потому что монета съ разу не дается, а скользить въ чашѣ.

Охотники до приза на верхушкѣ столба пытаются взлѣсть на него, что удается немногимъ. Для этого нужна рѣдкая ловкость и необыкновенная сила мускуловъ.

Байга всегда заключается скачкой киргизскихъ бѣгунцовъ. Для киргиза скачка — верхъ наслажденій. Онъ гля-

дять на нее съ лихараднымъ напрянженіемъ. Впрочемъ каждому хозяину, не только лестно, но и выгодно отличиться своимъ скакуномъ. Молва о хорошей лошади разнесется далеко по степи, охотниковъ купить ее много бываетъ и цѣну за такого бѣгунца даютъ большую. Въ наѣзники выбираютъ мальчиковъ отъ 12 до 15 лѣтъ; вмѣсто сѣдла кладутъ однѣ попоны и чтобы мальчикъ могъ вынести весь карьеръ, то перетягиваютъ его крестообразно. Бѣгунцовъ заводятъ верстъ за 20 и болѣе. Установивъ ихъ рядомъ, пускаютъ всѣхъ разомъ. Едва только завидитъ толпа, мчащихся ѣздоковъ — какъ приходитъ просто въ изступленіе: крикъ, лучше сказать ревъ оглушительный! Полученный хозяиномъ бѣговой призъ передается, какъ и всѣ другіе старѣйшему въ родѣ.

Когда байга кончилась, начинается

пиръ; богатые киргизы, султаны, бій, засѣдатели угощаютъ народъ вареной кониной, бараниной, плавомъ, конской колбасой. Кумысу разумѣется въ волю *).

День перекочевки считается киргизами также праздничнымъ днемъ: постоянно сидящія дома женщины, не могутъ не радоваться, отправляясь въ путь; мужчинамъ это даетъ возможность щегольнуть передъ другими своимъ богатствомъ, да и самимъ насладиться, глядя на свое имущество, находящееся въ полномъ сборѣ; молодежь рыскаетъ по окрестностямъ для ознакомленія съ кормами и водопоемъ; про дѣтей, любящихъ развлеченія, нечего и говорить. Кромѣ того, всѣмъ представляется впереди удовольствіе кушать мясо, потому что, по прибытіи на новую стоянку, въ каждомъ семействѣ принято торжествовать этотъ

---

*) И. Завалишинъ: Сибирско-киргизская степь.

день колотьемъ свѣжаго бараба. Наконецъ, разъѣзжающіе по окрестностямъ киргизы привозятъ съ собою бездну повостей, слуховъ; на дорогѣ непрерывныя встрѣчи, всюду идетъ оживленный разговоръ, всѣ родные, знакомые, съ ихъ имуществомъ, каждую минуту у всѣхъ на глазахъ, потому что идти приходится не по пересѣченной мѣстности и не длиннымъ гуськомъ, а широчайшею дорогою, ибо степь всюду проходима.

Женщины разряжаются въ свои лучшія платья, садятся верхомъ на иноходцевъ; замужнія женщины прикрѣпляютъ сзади своего пояса разныхъ цвѣтовъ попоны, покрывающія лошадей. Головы любимыхъ верблюдовъ украшены лентами, бубенчиками и проч., верхушка ихъ выюка, покрытаго какою-нибудь матеріею, украшена пучками страусовыхъ, павлиньихъ и другихъ перьевъ. Мужчины одѣ-

ты въ этотъ день лучше обыкновеннаго, сидятъ на отборныхъ лошадяхъ, подпоясаны кантами, съ блестящею серебряною оправою; въ рукахъ держатъ дорогія нагайки; уздечки тоже блестятъ серебряною или мѣдною оправою—словомъ все имѣетъ праздничный видъ.

Начинается перекочевка тѣмъ, что молодые люди ѣдутъ къ пастухамъ помочь согнать стадо барановъ далеко впередъ къ той дорогѣ, по которой пойдетъ аулъ, а весь выючный скотъ и лошади сгоняются въ аулъ, гдѣ уже разобраны юрты и сложено все имущество. Выючка идетъ быстро, и часовъ въ 9 или 10 утра караванъ трогается съ мѣста. Шествіе открываютъ старшины; за ними гонятъ стадо барановъ и свободныхъ отъ выючки и верха лошадей, быковъ и верблюдовъ; потомъ слѣдуетъ все мужское населеніе совместно кочующихъ ауловъ, наконецъ широкимъ фронтомъ выступаетъ вѣсколь-

ковъ верепицъ овьючнаго скота. Впередъ имущества ѣдутъ женщины, по бокамъ и сзади джигитуютъ дѣвушки, далѣе слѣдуютъ работники.

Ауль растягивается иногда верстъ на 10, прибывая на мѣсто стоянки позднимъ вечеромъ, и если на другой день или черезъ день снова предстоитъ такое же передвиженіе, то юрты не разставляютъ; ихъ замѣняютъ наскора собранные коша (палатки); если же мѣсто удобно для стада, а придется оставаться долго, колятся бараны; всю ночь идетъ ширшество, всюды слышны пѣсни, а коегдѣ раздается балалайка; ауль засыпаетъ лишь съ восходомъ солнца, а на другой день наступаетъ прежнее однообразіе жизни до слѣдующей перекочевки.

Есть у киргизовъ и другіе торжественно проводимые дни, чтимые всѣмъ народомъ безъ исключенія. Таковы, на примѣръ, дни встрѣчи новаго года или,

точно́е сказать, праздни́къ весны, а также повсемѣстно распространенный въ степи обыча́й празднованія одного изъ событій древней исторіи евреевъ, именно припесенія Авраамомъ въ жертву сына своего Исаака, замѣненнаго, по внушенію ангела, агнцемъ. Торжественное воспоминаніе этого событія происходитъ всюду въ одно время, въ началѣ мая.

Наурузъ, или новый годъ, у киргизовъ начинается мартомъ мѣсяцемъ; а праздни́къ весны *курбанъ-айта* встрѣчаютъ въ разныхъ родахъ и похолѣніяхъ не въ одно время, потому что не въ одно время начинаютъ кочевать.

Въ первый день праздника мужчины встаютъ съ восходомъ солнца, т. е. часа въ три, одѣваются въ лучшія платья, подъ открытымъ небомъ творятъ молитву, потомъ всѣ садятся на лошадей, выгоняютъ скотъ въ поле, выбираютъ для колотья верблюдовъ, лошадей, барановъ.

Отъ 8 до 10 часовъ всѣ обѣдаютъ въ кругу семейства. Съ 10 часовъ до вечера женщины занимаются приготовленіемъ пищи и разнаго угощенія для безпрерывно-прибывающихъ гостей, которыхъ имъ однимъ и приходится припимать, потому что всѣ остальные, не молодые люди находятся цѣлый день въ разъѣздахъ по знакомымъ, а молодежь, какъ мужчины, такъ и дѣвушки, выѣзжаютъ на отборныхъ лошадяхъ въ поле, отыскиваютъ себѣ ровесницъ и ровесниковъ, и съ ними проводятъ весь день въ разнаго рода увеселеніяхъ. Дѣвушки разряжены въ пухъ и прахъ и безъ покрывалъ.

Одна изъ любимыхъ киргизами при этомъ забавъ заключается въ томъ, что дѣвушка даритъ выбранному ею мужчине какую нибудь вещь: кусокъ плиса, выдроваго мѣха на шапку, цвѣтной платокъ и т. п.; получившій подарокъ дол-

женъ постоянно держать его въ рукѣ надъ головою и защищать его отъ посягательства другихъ, пускающихся за нимъ въ поговю мужчинъ, принимающихъ участіе въ игрѣ; такимъ же образомъ долженъ поступать и всякій увидѣвшій его отнять. Въ первое время подарокъ быстро переходитъ изъ рукъ въ руки; восторгъ зрительницъ поминутно смѣняется печалью, смотря потому, кто именно вырвалъ вещь изъ рукъ другаго; наконецъ наѣздники скрываются изъ виду, тѣмъ не менѣе всѣ оставшіяся на мѣстѣ дѣвушки сильно заинтересованы тѣмъ, кто останется побѣдителемъ; споръ объ этомъ и говоръ возобновляются при каждомъ возвратившемся наѣздникѣ, начинающемъ останавливать свою отставшую лошадь. Такъ какъ преслѣдователей за получившимъ подарокъ является всегда множество, и всѣ они скачутъ въ разныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ и при томъ въ раз-

сыпную, то впередѣдующій, если только круто измѣнитъ направленіе, легче попадаетъ въ руки другаго; изъ опасенія этого, онъ скачетъ все въ одну сторону, постоянно удаляясь такимъ образомъ отъ аула, вслѣдствіе чего удовлетвореніе общаго любопытства иной разъ можетъ воспослѣдовать не ранѣе, какъ на другой день, потому что, скачущіе удаляются отъ аула нерѣдко на 50 и болѣе верстъ. Съ возвратившимися придумываютъ новыя игры, а часамъ къ 6-ти всѣ возвращаются въ аулъ, гдѣ въ забавахъ молодежи принимаютъ участіе замужнія женщины. Въ аулъ непрерывно до самой поздней ночи прибываютъ новыя посѣтители, тоже принимающіе участіе въ устроенныхъ уже играхъ, или придумывающіе какія-нибудь новыя увеселенія; такимъ образомъ постоянно смѣняемыя одно другимъ.

Пересчитывая случаи, нарушающіе

обыкновенное теченіе жизни киргизовъ въ аулахъ, нельзя не упомянуть и о прибытіи въ аулъ каравановъ съ ежегодно закупаемымъ къ зимѣ разнымъ товаромъ. Караванъ кочуетъ всегда въ направленіи къ какому-либо рыночному складу аула, съ того мѣста съ котораго, обыкновенно въ половинѣ лѣта, поворачиваютъ обратно къ зимовкамъ, отправляетъ нѣсколько верблюдовъ, на ближній рынокъ, въ знакомыя лавки, или къ извѣстному торговому купцу, для забора ирбитскаго товара къ зимѣ. Товаръ этотъ, прибывающій въ область еще въ апрѣлѣ, раскупается скоро, но не такими оптовыми партіями, какъ въ половинѣ лѣта. Въ это время каждая семья аула, отправляющаго караванъ за новыми закупками, уже успѣла рассчитать, что именно нужно купить къ будущему году изъ платья, посуды и проч. Съ караваномъ, состоящимъ изъ представителей семей, отправляется иног-

да и старшина потому что при этомъ торговецъ вѣрять въ долгъ болѣе. Вотъ возвращеніе-то этого каравана въ аулъ и ждутъ всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ. Его прибытіе тотъ-же праздникъ. Рассматриваются закуски, соображаются долго, идутъ толпы о предстоящей зимней работѣ; женщины примѣряютъ привезенныя мужьями обновы, дѣвушки щеголяютъ сдѣланными ихъ родителями подарками и проч.

Киргизы большею частью роста выше средняго, и отличаются здоровымъ, плотнымъ тѣлосложеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неуклюжестью въ движеніяхъ, происходящею сколько отъ того, что они не имѣютъ привычки ходить, столько и отъ того, что свободнымъ движеніямъ мѣшаетъ прикованная къ суровой зимѣ, къ безпрестаннымъ буранамъ, одежда, состоящая изъ безчисленнаго множества халатовъ, поверхъ которыхъ надѣвается

также не одна пара кожаныхъ шароваръ (чамбары). Рослыхъ, стройныхъ и болѣе ловкихъ киргизовъ можно встрѣчать въ южныхъ частяхъ области. Женщины же вездѣ въ степи, замѣчательно малаго роста.

На женщинѣ лежитъ весь трудъ по хозяйству: вставъ утромъ раньше прочихъ, она доитъ скотъ, подгоняетъ стада отъ юртъ къ пастухамъ, приноситъ воду, разводитъ огонь, готовитъ обѣдъ въ то время, когда мужъ еще спитъ; снова выдоивъ пришедшій съ поля скотъ и снова выгнавъ его въ на пастьбу, она подаетъ мужу обѣдать. За неимѣніемъ остатковъ, женщина пообѣдаетъ молокомъ, а послѣ обѣда, снова за работу; опять идетъ доеніе овецъ; ягнятъ надо привязать; верблюдовъ уложить; барановъ загнать въ юрты или сарай; дать кому надо корму; набрать на ночь топлива; развести огонь; починить что изорвалось

уложить дѣтей, а самой матери можетъ быть спать въ эту ночь и не придется, если только подошла ея очередь караулить стада отъ волковъ. Сверхъ этихъ обычныхъ дневныхъ занятій, женщина одѣваетъ своимъ шитьемъ все семейство, валяетъ кошмы, тчетъ армячину, вьетъ арканы, собираетъ и разбираетъ при перекочевкахъ юрту, выучитъ верблюдовъ, сѣдлаетъ лошадей себѣ и мужу, которому иногда помогаетъ даже сѣсть на коня. Ссоры между женами въ семействахъ рѣдки: обыкновеніе повиноваться старшей женѣ такъ сильно, что умиротвореніе ссорящихся достигается легко, и тишина въ семействѣ восстанавливается столь же быстро, какъ возникло несогласіе. Много способствуетъ этому и та особенная дружба между женскимъ поломъ, которой и надобно было ожидать при одинаково есѣми женщинами переносимыхъ трудностяхъ работы.

Не смотря на свое невѣжество и грубость въ обращеніи, только у женщинъ и можно встрѣтить здѣсь чадолубіе, состраданіе, добродушіе и прочія нравственныя черты характера, вовсе не отличающія киргиза. Бѣднякъ, которому откажетъ киргизъ въ подаеніи, будетъ накормленъ и одѣтъ женою этого киргиза. Киргизку, которая отказала бы не только безпріютному скитальцу, но вообще всякому безсемеинному киргизу сшить бесплатно то, что тотъ у нее попроситъ, всѣ презирали бы. Проработавъ иной разъ всю ночь съ иглой надъ рубашкой или халатомъ какого-нибудь заѣзжаго человѣка, киргизка счастлива, если ее поблагодарятъ за это. Дѣти, воспитаніе которыхъ исключительно лежитъ на обязанности матери, только отъ нея и могутъ услышать ласковое слово и добрый совѣтъ, но при кочевомъ образѣ жизни и постоянной работѣ матерей, хорошаго

ухода за ними, разумѣется быть не можетъ.

Брачный сговоръ между киргизами совершается еще въ дѣтскомъ возрастѣ. При сватовствѣ отецъ невесты въ обществѣ всей родни рѣшаетъ какой долженъ быть выкупъ невесты (калымъ) въ срокъ платежа. Этотъ выкупъ состоитъ изъ извѣстнаго количества барановъ, верблюдовъ, лошадей и проч. Многоженство, хотя и допущено у нихъ, но такъ какъ за жену необходимо платить калымъ всѣмъ родственникамъ невесты, то по двѣ или по три жены могутъ имѣть только богатые. Послѣ смерти мужа, жены по киргизскому обычаю переходятъ къ его второму брату; въ случаѣ смерти этого послѣдняго къ третьему и т. д. Такимъ образомъ жена остается несвободною всю свою жизнь.

Погребеніе мужа сопровождается войлами женъ, которыя обязаны голосить

по покойникѣ въ теченіи цѣлаго года по утрамъ и вечерамъ. Могилы устраиваются на возвышенныхъ мѣстахъ, и надъ ними дѣлаются памятники (*мазарки*) по большей части изъ глины, но иногда изъ камня и даже изъ дерева. Памятники эти служатъ единственными пунктами, оживляющими безбрежную, монотонную степь. Черезъ 40 дней послѣ смерти дѣлаются поминки, на которыхъ устраиваются скачки. Скачки любимѣйшая забава киргизовъ, и безъ нихъ не обходится ни одно празднество.

Овцы главное богатство киргизовъ. Ни въ одной странѣ нѣтъ такихъ огромныхъ стадъ овецъ, какъ въ киргизской степи. Киргизскія овцы пользуются особенною извѣстностью въ Россіи и извѣстны подъ именемъ *курдюковъ*; курдюкъ — это широкій наполненный жиромъ хвостъ, составляющій главное отличіе киргизскихъ барановъ отъ другихъ извѣстныхъ

породъ. Эти баравы такъ крѣпки, сильны и высоки ростомъ, что 10 и 12-лѣтнія дѣти могутъ для забавы ѣздить на нихъ верхомъ. Цвѣтъ ихъ обыкновенно темнорыжій, шерсть длинная, растетъ клочками и до того груба, что не можетъ быть употреблена даже на самое толстое сукно. Съ удивительною крѣпостью они переносятъ непогоды, голодъ и жажду.

Стрижка овецъ производится два раза въ годъ очень немногими; большею же частью одинъ разъ, начинаясь въ половинѣ осени, а гдѣ скота много, въ началѣ сентября, для чего аулы, въ это время уже близко подошедшіе къ своимъ зимовкамъ, останавливаются на мѣсяцъ или болѣе, потому что въ это же время бьется скотъ на мясо и валяется необходимое количество *кошмъ* (войлоковъ), для выдѣлки которыхъ только и годна шерсть киргизскихъ овецъ.

Трудно опредѣлить, сколько миллионъ овецъ находится во всей степи. Известно только то, что рѣдкій изъ богачей знаетъ число ихъ въ своихъ стадахъ; нѣкоторые изъ нихъ содержатъ до двадцати, тридцати тысячъ головъ и даже болѣе.

Не менѣе важно для киргиза другое животное — *верблюдъ*. Безъ верблюда въ степи киргизъ не могъ бы существовать точно такъ же какъ въ сѣверныхъ тундрахъ безъ оленя-самоѣда.

Верблюды драгоцѣнное животное въ степи. Ни лошадь, ни какое другое животное не могутъ перенести того, что переноситъ здѣсь верблюдъ. Лошадь требуетъ ухода, нуждается въ чистой и хорошей водѣ, въ сочной травѣ, а гдѣ ихъ взять, когда о каравану приходится на длинныхъ переходахъ иногда нѣсколько дней сряду, тянуться по бѣдной и безплодной степи, на которой только и ро-

стетъ ковыль, или горькая полынь, или осока и другія подобныя травы. Тутъ не только чистая но и горькая вода рѣдкость. Верблюды пьютъ и горькую и застоялую и перепорченную воду; онъ можетъ, кромѣ того, пробыть безъ поила два и даже три дня.

Когда верблюдъ рождается, новорожденного тотчасъ же обшиваютъ кошмами; голова и шея только остаются открытыми. Молодой верблюжонокъ не въ силахъ самъ собою держаться на длинныхъ, слабенькихъ и тоненькихъ ножкахъ. Въ теченіе первыхъ пяти—шести недѣль на рукахъ подносятъ его къ матери для кормленія. А когда онъ, къ лѣту, подрастетъ и поднимется на ноги, его выпускаютъ на волю съ матерью, которая не перестаетъ его кормить въ теченіи цѣлаго года. Черезъ два или три мѣсяца послѣ рожденія снимаютъ съ него кошму. Цасясь по степи, онъ приучается

подщипывать траву. Въ это время ему прокалывают ноздри, и продѣваютъ въ нихъ гладко обточенную кость или палочку, къ которой привязывается веревочка—обыкновенный поводокъ верблюда. Съ этого же возраста приучаютъ его къ слову *чокъ*, по которому онъ долженъ ложиться, поджимать ноги и послушно принимать на спину ношу; а по слову *чу* онъ долженъ вставать на ноги.

На зиму верблюжонка опять обшиваютъ кошмами, и помещаютъ вмѣстѣ съ матерью въ теплое, со всѣхъ сторонъ защищенное отъ непогоды, стойло.

Весною верблюдъ обыкновенно линяетъ, шерсть слѣзаетъ съ него цѣлыми клочьями, онъ становится совершенно голымъ и только у самыхъ взрослыхъ остается немного шерсти на головѣ, на шеѣ и кое гдѣ на бедрахъ; трехлѣтній верблюдъ несетъ вьюкъ въсомъ въ 10 пудъ, а на слѣдующее лѣто въ 15 и 16 пудъ.

Тяжело-обовьюченный верблюдъ идетъ шагомъ въ часъ отъ 4 до 5 верстъ, а рысью дѣлаетъ отъ 8 до 10 верстъ. Двугорбый выучится удобнѣе дромадера и можетъ пройти безъ перевязки до 60 верстъ.

При перекочевкахъ, 50 верстъ въ сутки составляютъ самый большій переходъ. Въ караванахъ больше 40 верстъ въ сутки верблюды не проходятъ.

По окончаніи каждаго перехода (обыкновенный лѣтній переходъ киргизовъ, *кочъ* — 25 верстъ), животныхъ укладываютъ, снимаютъ выюкъ и даютъ отдохнуть въ этомъ положеніи 1 $\frac{1}{2}$, 2 часа, потомъ пускаютъ на кормъ.

На разсвѣтъ, передъ выючкой, животному даютъ опять покормиться часъ, и этого времени ему совершенно довольно, чтобы быть сытымъ весь день.

Въ крайнихъ случаяхъ верблюдъ обходится безъ пищи дня 3, и безъ питья

дней 6. Впрочемъ, послѣ двухъ голодныхъ дней, или не пивши четверо сутокъ, животное сильно слабѣетъ, и для того, чтобы оно не погибло послѣ такихъ случаевъ необходимо тотчасъ и весьма значительно облегчать вѣсъ выюка, а къ прежнему грузу можно перейти перанѣе какъ черезъ недѣлю.

Въ быструю ѣзду верблюды употребляются рѣдко. Въ состояніи же они, пробѣжавъ безъ остановки 60 или 70 верстъ и отдохнувъ безъ корма и поѣла часа три, сдѣлать шагомъ еще такой же переходъ.

Для пищи убиваютъ киргизы только самыхъ старыхъ верблюдовъ (лѣтъ 25-ти); вкусъ мяса молодаго верблюженка извѣстенъ немногимъ богачамъ, рѣшающимся на подобнаго рода колотье лишь по большимъ праздникамъ.

Въ домашнихъ рукодѣліяхъ киргизовъ первое мѣсто занимаютъ шерстяныя из-

дѣлія, въ особенности выдѣлка кошмъ. Эти кошмы или войлоки дѣлаются изъ овечьей шерсти, которая снимается осенью. Въ октябрѣ мѣсяцѣ почти всѣ женскія руки заняты выдѣлкою ихъ. Работа заключается въ слѣдующемъ: снятую шерсть моютъ, сушатъ, разстилаютъ на кожѣ, бьютъ палками, и когда она достаточно размягчится, то на рогожку, сдѣланную изъ чіа или камыша, настилаютъ изъ нея пластъ толщиною въ $1\frac{1}{2}$ вершка, поливаютъ этотъ слой шерсти горячею водою и покрываютъ другою рогожкою; затѣмъ обѣ половинки чіа, съ находящимся между ними шерстянымъ пластомъ, свертываютъ въ трубку и катаютъ по землѣ, непрерывно поливая трубку горячею водою. Работа эта продолжается отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ часа. Скатанный пластъ, вынувъ изъ чіа, высушиваютъ на солнцѣ, а на другой день, свернувъ высохнувшій войлокъ въ труб-

ку же, но уже безъ чія, и поливъ его кипяткомъ, снова катаютъ на кожѣ $\frac{1}{2}$ часа времени. Послѣ этой операціи высухнувшая кошма признается готовою. Обыкновенный размѣръ кошемнаго куса составляетъ 4 аршина. Пять жепщицъ, работая весь день, дѣлаютъ въ два дня 8 такихъ кусковъ. Аршинъ сѣрой кошмы продается на мѣстѣ среднею цѣною за 30 коп. сер.; бѣлой за 45, или отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 80 коп. сер. за кусокъ.

За кошмами слѣдуетъ тканье армячины. Верблюжью шерсть прядутъ в веретенѣ, поперечную нитку пропускаютъ чрезъ основу, которая привязывается къ тремъ, низко вбитымъ въ землю колышкамъ, нитка пропускается челнокомъ. Кусокъ армячины, отъ 5 до 8 аршинъ длины, вершковъ 7 ширины, продается за 60 коп. и рубль сер. лучшей выдѣл-

ки, такъ называемая таиженская ар-
 мячина. Сапоги, ичиги и калоши шьютъ съ по-
 мощью тарамыса, выдѣлываемаго изъ
 верблюжьихъ, конскихъ и воловьихъ
 жилъ. Высушенные жилы кладутъ меж-
 ду двухъ деревяшекъ и долго бьютъ
 молотомъ, потомъ раздѣляютъ на пряди
 и снова сушатъ. Шитьемъ обуви и во-
 обще кожаной одежды занимаются осо-
 бые работники изъ бѣдныхъ людей, по-
 лучая за шитье, напримѣръ, одной пары
 сапогъ или ичиговъ 50 коп. сер., слу-
 чается рубль, какъ кто дастъ. Иной за
 шитье шубы получаетъ двухъ добрыхъ
 барановъ, другой не болѣе того, какъ
 и за шитье сапогъ. Определенной
 платы за работы подобнаго рода не
 установилось. Вся остальная одежда,
 какъ-то: халаты, бешметы, рубашки, ша-
 ровары и проч. безплатно шьются жен-
 щинами.

- Большинство киргизовъ, или вѣрнѣе сказать, та ихъ часть, которая слыветъ подъ именемъ «черной кости», то есть все простонародье отличается въ религіозномъ отношеніи полнымъ равнодушіемъ. На вопросъ: какой они вѣры? обыкновенно отвѣчаютъ: *не знаемъ*.

- Всѣ толкованія по высочайшемъ существѣ, о необходимости молитвы, о религіозныхъ обязанностяхъ, киргизы слышали, слушаютъ и теперь, видятъ и примѣры обрядности, признаваемой за необходимую христіанами, магометанами и язычниками, иногда безсознательно слѣдуютъ той или другой, но положительно опредѣлить къ какой вѣрѣ принадлежитъ киргизъ нельзя. Сегодня этотъ магометанинъ-киргизъ подъ вліяніемъ страха, наводимымъ на него фокусами пришедшаго въ аулъ колдуна будетъ усердно взывать къ злему духу, будетъ приносить ему жертвы, молиться

для его умилостивленія и проч., а через нѣсколько времени вы, можетъ быть, встрѣтите этого самаго киргиза въ мечети, куда онъ зашелъ вмѣстѣ съ султаномъ, у котораго находится временнымъ прислужникомъ, и которому вслѣдствіе этого, считаетъ необходимымъ подражать въ совершеніи намаза и другихъ обрядностей магометанскаго закона.

Истыми магометанами должно считать *ходжей* *), *муллъ* **), всѣхъ торгующихъ въ области татаръ, ташкентцевъ, бухарцевъ, коканцевъ.

Султаны и всѣ служащіе по выборамъ, считаютъ себя магометанами. Между осѣдлыми жителями области есть немало римско-католическаго вѣроисповѣда-

---

*) *Ходжи* считаютъ свое происхожденіе отъ потомковъ Магомета.

**) *Муллы*, обучающіе киргизскихъ дѣтей грамотѣ, принадлежатъ къ татарамъ, а иногда къ простымъ киргизамъ.

нія и іудейскаго закона; все остальное население исповѣдуетъ православную вѣру.

Образованіе киргизы получаютъ въ разсѣянныхъ по ауламъ татарскихъ школахъ. Учителя въ этихъ школахъ муллы, сами черпающіе премудрость изъ разныхъ книгъ, написанныхъ на татарскомъ языкѣ.

Мулла, проживши между бухарцами, кокандцами, побывавъ въ Казани, Нижнемъ, Ирбити и разныхъ сибирскихъ городахъ, является въ степь человѣкомъ уже конечно болѣе образованнымъ, нежели никогда изъ своихъ кочевій не выѣзжавшій киргизъ. Чтобы, при этомъ значеніи въ народѣ, имѣть право открыть школу, надобно знать или только разбирать татарскую грамоту, а какъ ее знаютъ почти всѣ татары, то изъ нихъ по преимуществу и состоятъ въ степи корпусъ учителей, ученыхъ или, что одно

и тоже мулла. Ежели есть возможность заняться торговлею, мулла конечно ею займется и охотно сбросит съ себя бѣлую чалму, символъ учености, потому что званіе муллы у киргизовъ менѣе почетно, нежели званіе купца, да и всякій торгующій татаринъ къ своему собрату въ бѣлой чалмѣ относится, какъ къ человеку бѣдному, болѣе презрительно. Исключеніе отъ всего сказаннаго составляютъ *указные* муллы, паживающіе и проживающіе въ степныхъ селеніяхъ большія деньги отъ прихожанъ, а потому самому пользующіеся большимъ, нежели ихъ собраты по ремеслу почетомъ.

Года два учится мальчикъ у аульнаго муллы, а читаетъ, не только писать, все еще не умѣетъ; чтобы дать родителю ручательство, что въ третій годъ его сынъ будетъ непременно чудомъ премудрости, мулла успѣваетъ вдолбить въ память своего воспитанника нѣсколько фразъ

изъ корана, а по части письма научастъ подписывать отцовское имя. Родителю льститъ надежда, что сынъ его въ послѣдствіи можетъ сдѣлаться толмачемъ (переводчикомъ), или, по крайней мѣрѣ всегда съумѣетъ разобрать предлагаемыя толмачами въ аулахъ бумаги, съумѣетъ растолковать народу то, что теперь послѣдній долженъ принимать на вѣру, и такимъ образомъ черезъ сына и отецъ будетъ играть въ аулѣ болѣе видную роль.

Вслѣдствіе всего этого, мулла, получившему за воспитаніе юношества, положимъ по одному барану въ годъ за каждого ученика, прибавится, пожалуй, отъ какого нибудь богатаго владѣльца и другой баранъ; но и по окончаніи третьяго года неучъ — сынъ по прежнему ссастся неучемъ, и присланную въ аулъ бумагу по прежнему разбираетъ аульный мулла. А неумѣлый учитель не выгоняется изъ аула за свое шарлатанство,

не лишается того содержанія, которое положено ему аульнымъ обществомъ за воспитаніе юношества; потому что онъ нуженъ этому обществу какъ грамотѣй, разбирающій присылаемыя въ ауль бумаги, письма, записки, данныя гандарами для занесенія долговъ киргизовъ въ книгу какого-либо купеческаго приказника; даетъ наставленія, какъ человѣкъ опытный; иногда приготовляетъ лекарства, пользуется больными и т. д. Такой человѣкъ очень нуженъ въ ауль, и каковъ-бы не былъ шарлатанъ въ бѣлой чалмѣ, разъ примѣнившись, держится на своемъ мѣстѣ долго, прочно. Юношество же постоянно учится и никогда ничему не выучивается. Казалось бы, не къ чему было и тратить время на это; но что же болѣе дѣлать, если мастерствомъ мужчины никакимъ не занимаются и потому какъ бы не были часты неудачные примѣры ученія, но бывали и удачные, а у кир-

гиза желаніе видѣть сына грамотнымъ, какъ уже сказано, очень сильно, въ особенності оно сильно съ тѣхъ поръ, какъ народъ успѣлъ выпкнутъ въ суть поваго управленія степью. Волостной толмачъ, оберегая интересы киргизовъ, получаетъ за то отъ народа и щедрую плату, и большой почетъ: кому же послѣ этого не пріятно видѣть своего сына, если не толмачемъ, то по крайней мѣрѣ помощникомъ волостнаго писмоводителя или хоть бы помощникомъ безграмотнаго аульнаго старшины?

Обученіе женскаго пола грамотности въ степи вовсе не существуетъ. На взглядъ киргиза такое дѣло мало того, что не имѣетъ никакого практическаго смысла, но еще отвлекаетъ дѣвочекъ отъ рукодѣлій, и потому въ особо-отведенный отъ аула кошъ изъ пожертвованной аульному муллѣ юрты ежедневно сгоняются одни мальчики разныхъ возрастовъ, отъ 6 и

до 12-лѣтняго. Гвалтъ въ этой юртѣ съ утра не умолкаетъ до прихода стада съ поля. Сидящій посреди кружка съ палкою мулла, угрозою заставляющій дѣтей весь день распѣвать какойнибудь одинъ стихъ изъ Корана, имѣетъ полное право хвастать потомъ тѣмъ, что его *казиметъ* (служба) большая заслуга передъ обществомъ. Дѣйствительно дѣти здѣсь мученики, да и онъ, не видящій, да и никогда печалющій видѣть какойнибудь толкъ изъ своихъ трудовъ, едва ли не первый страдалецъ изъ всѣхъ находящихся въ школѣ.

При составленіи этой книжки мы особенно руководствовались сочиненіемъ г-на Красовскаго: *Область сибирскихъ Киргизовъ*.